

ГЛАВА 2.

Фальсификация основ марксизма российскими антикоммунистами.

Антикоммунизм в постсоциалистических странах идентичен как по содержанию, так и по истокам его возникновения во всех странах бывшего Советского Союза. Наибольший вклад в фальсификацию основ марксизма внесли и вносят российские антикоммунисты.

Своими корнями российский антикоммунизм восходит к Межрегиональной депутатской группе в Верховном Совете СССР в лице Ю.Н. Афанасьева, Б.Н. Ельцина, И.И. Заславского, Г.Х. Попова, С.Б. Станкевича, А.А. Собчака. Все они в свое время занимали в стране кресла высокого ранга и приложили руку как к «уничтожению коммунизма», так и к развалу СССР.

Пальма первенства в «уничтожении коммунизма» и в СССР, и в странах Восточной Европы принадлежит бывшему Генеральному секретарю ЦК КПСС и первому Президенту России — М.С. Горбачеву. Второй Президент России — Б.Н. Ельцин — сделал все (по его мнению) для отстранения коммунистов от власти. Б.Н. Ельциным «...был подготовлен ряд указов: в частности, о запрещении партии...»¹. И только вмешательство его дочери Татьяны и А. Чубайса остановили их подписание.

Нет необходимости подробно говорить о «политическом стрептизме» как первого, так и второго Президента России, а также их подручных, разваливших великую державу².

Эти люди являлись агентами влияния Запада по реализации планов ЦРУ США. Еще в начале 1945 года, на одном из закрытых заседаний, Ален Даллес изложил «Программу по развалу СССР». В ней сказано, что «...посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России»³.

Надо отдать должное нашему противнику. Пусть не в полной мере, но он реализовал свои зловещие планы, посеяв хаос в СССР, развалив его, подменив ценности, связанные с коммунистическим преобразованием общества, фальшивыми, то есть либеральными ценностями. Все это было осуществлено его агентами внутри страны: М. Горбачевым, Б. Ельциным, Э. Шеварнадзе, А. Яковлевым, Г. Арбатовым, Е. Гайдаром, Г. Поповым, А. Чубайсом и другими.

В «пятой колонне» агентов влияния Запада нас прежде всего интересуют те, кто непосредственно причастен к фальсификации основ марксизма, распространению идеологии антикоммунизма как в странах бывшего СССР, так и за рубежом. Если реформаторы-экономисты фактически насаждали «дикий» капитализм в постсоциалистических странах и в этом их заслуга, то заслуга идеологов антикоммунизма — таких, как Ю. Афанасьев, В. Вильчек, Г. Лисичкин, И. Клямкин, А. Ципко, Г. Шахназаров, А. Яковлев и других — состоит в опровержении марксизма путем его фальсификации.

В вопросах фальсификации основ марксизма российские антикоммунисты

опираются (а точнее — заимствуют идеи) на корифеев профессионального антикоммунизма периода «холодной войны». К ним относятся прежде всего Карл Поппер — «теоретик-антикоммунист №1»; «ветеран» антикоммунистической борьбы — Раймон Арон; «борец» с тоталитаризмом — Фридрих Август фон Хайек; бывший советник по национальной безопасности американского президента в годы «холодной войны», а ныне активный идеолог антикоммунизма на Западе — Збигнев Бжезинский и другие. Всех их объединяет одна цель — ниспровержение коммунизма, ниспровержение марксизма путем фальсификации основных положений марксистского учения. Это относится прежде всего к двум величайшим открытиям К. Маркса. Как уже говорилось, «первым из них является совершенный им переворот во всем понимании всемирной истории»⁴. Иными словами, материалистическое понимание истории. «Второе важное открытие Маркса, — пишет Ф. Энгельс, — состоит в окончательном выявлении отношения между капиталом и трудом...»⁵ А это открытый К. Марксом закон прибавочной стоимости.

Антикоммунист №1 Карл Поппер антинаучность марксизма видит в том, что это учение опирается на диалектику. «Благодаря диалектике, — пишет К. Поппер, — марксизм стал догматизмом, который достаточно гибок, так как пользуется диалектическим методом, чтобы избежать возможных атак. И таким образом он стал тем, что я называю усиленным догматизмом»⁶.

Объявив марксизм «усиленным догматизмом», К. Попперу не составляло труда обвинить марксизм во всех тяжких грехах: «утопизме», «историцизме», «холизме» и даже «эссенциализме»⁷. В соответствии со взглядами К. Поппера, утопизмом являются любые прогнозы будущего развития общества. Естественно, и учение К. Маркса о переходе от экономической общественной формации к постэкономической, то есть коммунистической общественной формации, является утопией. Это необходимо ему еще и для того, чтобы «доказать» недоказуемое, а именно: будущее за современным посткапиталистическим обществом. К. Поппер утверждает, что современный капитализм уже не капитализм, а социально ориентированное общество. В нем нет эксплуатации человека человеком, так как закон всеобщего капиталистического накопления, присущий «классическому» капитализму, утратил свое значение на данном этапе развития западного общества.

Р. Арон идет еще дальше, утверждая, что теория прибавочной стоимости якобы недоказана, а следовательно, ненаучна. Отсюда, ни о какой гибели капитализма не может быть и речи. «Меновое (читай — капиталистическое. — Е.Г.) общество базируется на равенстве и свободе»⁸. Вопреки реальным фактам, он говорит о том, что «рост капитализма привел не к пауперизации рабочего класса, а к повышению его жизненного уровня»⁹.

Исследуя взгляды идеологов антикоммунизма, связанные с фальсификацией учения К. Маркса о материалистическом понимании истории, приходишь к выводу, что в основе этой фальсификации лежит обвинение марксизма в «экономическом детерминизме», «монофакторном» подходе к развитию общества. На этой методологической основе строится вульгаризация теории К. Маркса об «экономической общественной формации» и делается вывод, что теория научного коммунизма, основанная на формационном подходе, утопична и якобы не соответствует реальной действительности. В обосновании марксизма как утопии весомый вклад внес бывший идеолог ЦК КПСС А. Яковлев. Анализ взглядов идеологов российского антикоммунизма логично начать именно с него.

2.1. Антикоммунизм в лице бывшего идеолога ЦК КПСС А. Яковлева.

А. Яковлев является наиболее одиозной фигурой среди российских антикоммунистов, известной не только в странах бывшего СССР, но и за рубежом. Напрашивается вопрос: переход на позиции антикоммунизма — это результат незнания А. Яковлевым основ марксизма или преднамеренная фальсификация? На наш взгляд, первое является причиной, а второе — следствием. Подтверждением тому стала оценка, данная Василием Андреевичем Медведевым, с которым А. Яковлев работал в одном отделе, а затем и в Политбюро ЦК КПСС. «В одной из своих книг, — пишет А. Яковлев, — он критикует меня за «непрофессионализм» в оценках марксизма»¹⁰. Александр Николаевич слово «непрофессионализм» берет в кавычки, считая его употребление ошибочным. Однако не доверять В.А. Медведеву у нас нет никаких оснований: он долгие годы работал вместе с А. Яковлевым и мог достаточно объективно судить о его компетентности в теории марксизма.

За разъяснениями обратимся к самому Александру Николаевичу. В последних его работах — таких, как «Горькая чаша» (1994 г.), «Омут памяти» (2001 г.) — он как бы исповедуется и объясняет, «почему я стал уходить от марксизма...»¹¹. А. Яковлев говорит, что «...тщательно изучал классиков марксизма-ленинизма...»¹². Прозрение же, как он считает, наступило после XX съезда КПСС, с разоблачения культа личности Сталина: «Проштудировав заново первоисточники «вероучителей», я понял (в основных измерениях) всю пустоту и нежизненность марксизма, его корневую противоречивость и демагогичность»¹³. И заключает: «Спасибо «классикам» за очищение моей головы от хлама «классиков»»¹⁴.

Каким же хламом, после очищения от «хлама классиков», была забита его голова? Ответ напрашивается сам собой: хламом, полученным в Колумбийском университете США, а также в период его работы послом в Канаде. Не исключено даже «зомбирование» со стороны известных спецслужб, но то, что имело место манипулирование сознанием, не вызывает сомнения. Он сам это признает, когда пишет, что «вернулся я, сильно поправев в идейном плане»¹⁵. Какие идеи излагались в Колумбийском университете, а также во время встреч в домашней обстановке с премьер-министром Канады Трюдо и с Margaret Thatcher, думается, объяснить нет особой необходимости. Это идеи либерализма и консерватизма. А. Яковлев выдает себя с головой тогда, когда пишет, что он «...поехал в США... относительно молодым человеком с крайне противоречивым сознанием, в котором уже вили свое гнездо идеи свободы человека»,¹⁶ то есть идеи либерализма. Их суть: свободное индивидуальное и групповое предпринимательство, свободный рынок и свободная конкуренция — все то, что было взято на вооружение так называемыми реформаторами в период перестройки и реформирования социализма.

Гносеологической основой антикоммунизма является метафизический метод познания, ведущий к догматизации мышления. Этого не удалось избежать и самому А. Яковлеву. А потому данное им определение догматического мышления — «неспособность ... человека охватить явления реального мира во всей их полноте и динамике»¹⁷ — в полной мере относится и к нему.

Динамика общественного развития не отвергает, а подтверждает прогноз

К. Маркса о том, что коммунизм — будущее человечества, что с объективной необходимостью происходит процесс перехода экономической общественной формации в постэкономическую общественную формуацию, то есть коммунистическую общественную формуацию¹⁸. А. Яковлев, выступая с лекцией в Колумбийском университете в 1991 году, заявил о том, что «сегодня мир прощается с коммунизмом, той системой теоретических взглядов и практических действий, о которой глупо сожалеть»¹⁹. Подобный хлам в голову А. Яковлева внесены идеологами антикоммунизма Запада. Ведь еще задолго до его выступления в Колумбийском университете Францис Фукуяма одним из первых объявил о «конце истории», то есть истории коммунизма²⁰.

Несостоятельность взглядов о крахе коммунизма обусловлена тем, что зачастую теорию коммунизма К. Маркса отождествляют с «практическими действиями», как пишет А. Яковлев, то есть с ее реализацией на практике в бывшем СССР и странах Восточной Европы. На этом построена вся система антикоммунистических взглядов как на Западе, так и в постсоциалистических странах.

По К. Марксу, коммунизм — это эпоха снятия всех форм отчуждения, причем как осознанная необходимость. Этой эпохе предшествует эпоха отчуждения, или предыстория человеческого общества. Наступила ли эпоха снятия отчуждения? Как тенденция — да. Как осознанная необходимость — нет. Ирония истории состоит в том, что теория коммунизма как снятия отчуждения как бы была предана забвению, а в качестве научного коммунизма (его основы) были взяты положения «Манифеста Коммунистической партии» о классах и классовой борьбе, о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата и так далее.

Идеологи антикоммунизма не разграничивают теоретическую и политическую составляющие в учении основоположников научного коммунизма, где первая касается сути коммунизма как постэкономической формации, а вторая включает обоснование всемирно-исторической роли пролетариата, необходимость проведения социалистической революции и установления диктатуры пролетариата в переходный период от капитализма к социализму и так далее. Соответственно понятия «социализм» и «коммунизм» они рассматривают не как однопорядковые, а как диаметрально противоположные или, напротив, как тождественные. В то время как К. Маркс и Ф. Энгельс термины «социализм» и «коммунизм», как уже знаем, считали однопорядковыми, но отнюдь не противоположными. По их мнению, коммунизм является высшей стадией развития человеческого общества. Если понятие «социализм» применимо и к периоду борьбы пролетариата за утверждение нового общественного строя, и для характеристики низшей фазы коммунизма, то понятие «коммунизм» — это не просто «учение об условиях освобождения пролетариата»²¹ (этую задачу выполняет социализм), а новая постэкономическая общественная формация.

Эту «неточность» в употреблении данных терминов допускают К. Маркс и Ф. Энгельс при написании «Манифеста Коммунистической партии», а раньше Ф. Энгельс в «Принципах коммунизма». Напомним, что еще в предисловии к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1888) Ф. Энгельс прямо говорит о том, что они с Марксом не могли назвать «Манифест» социалистическим по той простой причине, что «в 1847 г. социализм был буржуазным движением, а коммунизм — движением рабочего класса»²². Иными словами, там, где нужно было употребить термин «социализм», они писали «коммунизм», чем

ввели в заблуждение даже тех, кто выступал в защиту коммунизма. А вот таким идеологам антисоциализма, как А. Яковлев, это дало основание утверждать, что «теперь, когда общество, освобождаясь от коммунизма, пытается вернуться к нормальной экономике, особенно очевидны негативные последствия экспроприаторской идеологии, которая властновала в течение семидесяти лет»²³.

Здесь А. Яковлев говорит о том, что общество бывшего Советского Союза освободилось не от социализма, а от коммунизма. В результате произошло явное смешение не только понятий «социализм» и «коммунизм», но, соответственно, и понятий «историческое» и «логическое». А. Яковлев просто не усвоил суть диалектики этих понятий. А «как важно сегодня, — пишет Е.И. Суименко, — знать и понимать эту диалектику! Ведь коммунизм — как тип общества, как системно организованное образование — это прежде всего логическое, а его историческое — это только некоторые (и притом важные, значимые) фрагменты, виртуальные частицы нового общественного строя, находящегося в стадии своего всемирно-исторического становления»²⁴. На каком основании по некоторым фрагментам, относящимся к обществу, именуемому социалистическим в бывшем Советском Союзе, дано право судить о коммунизме и делать вывод о его утопичности и крахе? Такое право присвоил себе А. Яковлев, считая, что он стоит на почве науки, а классики — на почве утопии. «Общественная мысль, развиваясь от утопии к науке, — пишет А. Яковлев, — и на этапе марксизма осталась во многом утопической»²⁵.

Таким образом, некомпетентность в теории марксизма влечет за собой непрофессионализм в оценках марксизма, что и происходит, когда А. Яковлев утверждает, что «коммунизм как цель оказался утопией, а насилиственные средства достижения его привели к деформации общественного развития, к тоталитарному строю, к подавлению свобод, к неслыханным преступлениям»²⁶.

Некомпетентность проявляется не только в понимании А. Яковлевым понятий «социализм» и «коммунизм», «логическое» и «историческое», но и при рассмотрении таких понятий, как «революция» и «контрреволюция», «революция» и «эволюция», «революция» и «реформы», чем объясняется его непрофессионализм в оценке марксизма вообще, и в реализации его на практике в частности²⁷.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию он оценивает не иначе, как контрреволюцию, а вот свержение монархии в феврале 1917 года — называет ярким примером подлинной революции. «Насильственно захватив власть, — пишет А. Яковлев, — Ленин назвал октябрьское событие 1917 года «переворотом». Позднее его переименовали в «революцию», а затем — в «великую». На самом деле это была контрреволюция»²⁸.

За разъяснением, что же такое революция, обратимся не к классикам, а к профессору Ягеллонского университета в Кракове Петру Штомпке. В работе «Социология социальных изменений» он пишет, что «революции представляют собой наиболее яркое проявление социальных изменений... На волне революций общества как бы рождаются заново. В этом смысле революции — знак социального здоровья»²⁹. Для П. Штомпки, как видим, революция — это благо, а для А. Яковлева — зло, связанное с разрушением, а не с созиданием.

Непрофессионализм А. Яковлева в данном вопросе проистекает из того, что он не имеет никакого представления о современной концепции революции, ее типологии. У Петра Штомпки мы читаем, что «современная концепция революции осно-

вывается на двух традициях: историософской и социологической. Согласно первой, революция означает радикальный разрыв непрерывности, фундаментальную трещину, «катализму — прорыв» в ходе истории... Сторонники второй традиции, представленной социологической концепцией революции, обращаются к массовым выступлениям, использующим или грозящим применить принуждение и насилие по отношению к властям, для того чтобы усилить базис и провести последующие изменения в обществе»³⁰. Соответственно, в первом случае мы имеем дело с социальным типом революции, а во втором — с политическим.

Что же представляет собой «социальная революция»? В соответствии с представлениями К. Маркса и Ф. Энгельса, под социальной революцией понимается революция коммунистическая. На наш взгляд, наиболее аргументированное доказательство этому дано в работах Владислава Леонидовича Иноземцева «К теории постэкономической общественной формации» и «За пределами экономического общества», где всесторонне исследуется учение К. Маркса о революциях³¹. «В соответствии с делением общественной эволюции на три (а не на пять, как было у нас принято. — Е.Г.) общественные формации К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают два глобальных изменения в истории человечества и квалифицируют их в качестве социальных революций»³².

Началом социальной, то есть коммунистической революции должно послужить создание условий для снятия отчуждения труда, положительного упразднения частной собственности и на этой основе — условий для обобществления средств производства и перехода от экономической общественной формации к постэкономической.

Внутри экономической общественной формации, в соответствии с учением основоположников марксизма, происходят политические революции как средство перехода от одного способа производства к другому. А. Яковлев не имеет достаточно четкого представления не только о социальной, но и о политической революции. «Политические революции, — пишет В.Л. Иноземцев, — порожденные противоречием между развивающимися экономическими отношениями и политической структурой общества, решают задачу освобождения общества от отживших организационных форм»³³. Именно таковой стала революция в России в 1917 году, прошедшая в два этапа (в зависимости от цели и движущих сил): в феврале она была буржуазно-демократической, а в октябре — социалистической.

Напомним, что социологическая концепция революции, а в данном случае речь идет именно о ней, не исключает, а предполагает широкое участие масс в революции с применением как насилия, так и принуждения. А вот А. Яковлев считает, «...что и революцию, и противостоящую ей контрреволюцию в конечном счете осуществляет в основном политизированное меньшинство при пассивной позиции или полной апатии основных масс населения»³⁴.

Здесь все поставлено с ног на голову! Контрреволюцию действительно осуществляет политическое меньшинство, представляющее реакционную, а не революционную часть общества при пассивной подчас позиции масс. Революцию (опираясь на широкие народные массы) также возглавляет политическое меньшинство, но в лице наиболее передовой части общества. В России, в данном случае, в лице Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков).

Верхом непрофессионализма является и утверждение о том, что на совре-

менном этапе развития общества стоит вопрос «о бескомпромиссном отвержении теории классовой борьбы и практики насилия — этой основополагающей догме марксизма. Речь идет о решительном отрицании насильственных революций как якобы локомотивах истории»³⁵. Складывается впечатление, что не классовая борьба явилась основой учения о классах и классовой борьбе, а, напротив, теория «родила» классовую борьбу. Отсюда призыв: отказаться от насилия, от классовой борьбы во имя согласия и мира между трудом и капиталом.

Насилие — не абстрактная категория, а средство реализации функции власти, то есть одна из форм завоевания власти и утверждения воли одних по отношению к другим участникам социального взаимодействия. Это социологическая, а не марксистская категория, исходящая из социологической концепции революции. Не уяснив этой очевидной истины, А. Яковлев утверждает, что «на базе марксистской теории вырос большевизм, вобравший в себя все то, что служило практике насильственного мироустройства»³⁶.

Подводя под термин «большевизм» в качестве теоретической основы марксизма, он не скучится на эпитеты, характеризующие большевизм, и проводит знак равенства между фашизмом и большевизмом. Он пишет, что «отрицание авторитаризма привело к загадочному капризу истории: к утверждению большевизма — этой российской формы фашизма, повивальной бабкой которого стало тотальное насилие, сопровождаемое ложью конечных идеалов»³⁷.

Начало созданию этого «уголовно-террористического государства фашистского типа», как он считает, было положено контрреволюционным октябрьским переворотом. И заключает: «Ленин, Сталин, Гитлер — тройка создателей неокайнизма. Главные преступники века»³⁸. И уточняет: «...Вдохновителем и организатором террора в России выступил Владимир Ульянов (Ленин), навечно подлежащий суду за преступления против человечности»³⁹, а «организатором злодеяний и разрушения России является Иосиф Джугашвили (Сталин), подлежащий суду, как и Ленин...»⁴⁰ Подобная характеристика Ленина и Сталина даже не снилась антикоммунистам Запада! Она могла прийти на ум только, по меткому замечанию Натальи Морозовой, «политической девушке для всех», то есть А. Яковлеву.

Если еще в «Обвале» А. Яковлев говорит о том, что «Маркс не несет ответственности за то, как распорядились потомки его идейным наследием»⁴¹ (хотя сам фактически фальсифицирует суть учения Маркса), то в последующих публикациях, как было показано выше, утверждает, что во всем — в большевизме, сталинизме, тоталитаризме и даже фашизме — повинен марксизм. Он лукавит, когда на вопрос студента МГУ: «Не утопична ли сама идея коммунизма?» — отвечает, что коммунизм для Маркса — «это никем и ничем не ограниченная возможность развития и самосовершенствования человека и общества»⁴², то есть не утопия, а закономерность развития. Именно к этому времени, как мы уже знаем, он «прозрел» до уровня понимания марксизма как утопии.

В отношении В.И. Ленина — та же самая картина. Отвечая на вопрос, как он относится к Ленину и ленинизму, А. Яковлев отвечает, что к Ленину и ленинизму он относится сверххорошо, и характеризует Ленина как человека «высочайшей культуры, высочайшей степени ума и в особенности способности к анализу»⁴³. И после этого, не моргнув глазом, без зазрения совести обвиняет В.И. Ленина в совершении преступлений против человечества.

Наталья Морозова ставит вопрос: а для чего ему нужна была эта двойная бух-

галтерия? На наш взгляд, дело не только в получении определенных дивидендов. Главное — это реализация далеко идущих планов, связанных с уничтожением «коммунистического» режима, ликвидацией КПСС и утверждением идеологии либерализма.

А. Яковлев не скрывает, что уже в преддверии XXVIII съезда КПСС им вынашивались идеи внедрения либеральной идеологии в жизнь. Он пишет, что «перестройка в СССР — по крайней мере, со стороны тех, кто ее начинал, была искренней попыткой развернуть советскую систему от коммунистической модели развития к либерально-демократической»⁴⁴. В конце еще 1985 года, то есть в самом начале перестройки, он пишет записку М. Горбачеву, в которой обосновывает «...необходимость, даже императивность разделения КПСС на две партии...»⁴⁵. Считая, что к тому времени, уже сформировалась «база для организационного оформления социал-демократического движения»⁴⁶.

Убедившись, что его попытка не увенчалась успехом, он продолжал внедрять идеи либерализма путем принятия соответствующих документов на Пленуме ЦК КПСС в феврале 1990 года, а затем и на XXVIII съезде партии. Выступая на словах против общественных сил, которые толкают страну на путь капитализма, они на самом деле предлагали внедрить механизм, способствующий утверждению капиталистических общественных отношений. «При переходе к рынку, — говорил в отчетном докладе М. Горбачев, — нужно выделить первоочередные меры. Никто не мешает уже сегодня начать акционирование государственных предприятий, создать реальную свободу предпринимательства, передать в аренду мелкие предприятия, магазины, включая в сферу купли-продажи жилье, акции и другие ценные бумаги, часть средств производства»⁴⁷. Итог всем хорошо известен. И комментарии здесь излишни. Однако, несмотря ни на что, А. Яковлев продолжает возлагать надежды на нового Президента России Владимира Путина и тех, кто выведет страну «...на главную магистраль прогресса, имя которой социальный либерализм»⁴⁸.

Для А. Яковлева образцом для подражания стала западная цивилизация, основанная на частной собственности. «Частная собственность, — пишет он, — материя и дух цивилизации. Частная собственность непобедима, ибо она наиболее эффективна... Частная собственность, рынок, демократия — это генетический код нормальной цивилизации»⁴⁹. Следует согласиться с А. Яковлевым, что «и в прошлом, и сегодня политическая борьба объективно идет вокруг собственности»⁵⁰. Весь вопрос в том, кто же должен стать собственником орудий и средств производства, производимого продукта. Еще в годы перестройки А. Яковлев отвечал, что надо «...дать свободу предпринимательству, разрешить частную собственность»⁵¹.

Напомним, что частной собственности К. Маркс противопоставлял не только общественную, но и коллективную. «Частная собственность, — писал К. Маркс, — как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам...»⁵² Следует заметить, что в одном случае классики марксизма рассматривали коллективную собственность как синоним общественной (когда речь шла об имуществе в целом), а в другом — как о промежуточной форме собственности между индивидом и обществом на уровне совокупного (совместного) труда, то есть тогда, когда необходимые для производства сырье, машины, орудия,

жизненные средства, субъекты труда, как писал Ф. Энгельс, превращают «...в свою, коллективно используемую ими, собственность»⁵³.

А. Яковлев, неоднократно штудировавший произведения классиков, не заметил этой «мелочи». Говоря о будущем России, он считает, что самое главное — «это всемерное развитие частной собственности в качестве священной и неприкосновенной»⁵⁴. Этим он лишний раз подписывается в своей некомпетентности относительно теории марксизма, показывает свой непрофессионализм в его оценке, в том числе и в вопросе собственности.

Так кто же такой А. Яковлев? «Если говорить образно, — пишет Н. Морозова, — то Яковлев — это ядовитая змея, погубившая СССР»⁵⁵, а в настоящее время — это антикоммунист номер один в постсоветском пространстве, опубликовавший больше всех, по выражению Н. Морозовой, «паскудных статей и книжонок».

Как уже отмечалось, в России, Украине, и в других странах бывшего Советского Союза, созданы и создаются псевдосоциалистические партии. В России — Объединенная социал-демократическая партия России, а в Украине — СДПУ(о). Организуясь и объединяясь, они становятся еще ядовитее и тем опаснее. Поэтому борьба с идеологией антикоммунизма за утверждение идей коммунизма — требование времени.

2.2. «Ноу-хау» В. Вильчека — прощание с К. Марксом и марксизмом

В. Вильчеку не откажешь в достаточно полном освещении коммунизма как общества находящегося по ту сторону материального производства. «Коммунизм, — пишет В. Вильчек, — понимаемый как состояние общества, деятельность которого сосредоточена вне сферы материального производства... логичен...»⁵⁶. Логичен, но не научен, утверждает В. Вильчек. Он утопичен и не имеет возможности позитивного воплощения. Это, как считает В. Вильчек, дает ему основание рас прощаться с К. Марксом и марксизмом.

Прощание с К. Марксом, а следовательно, и с марксизмом, В. Вильчек обосновывает отказом от открытого К. Марксом материалистического понимания истории, позволившего понять историю как естественно-исторический процесс, совершающийся с объективной необходимостью, закономерно. Методологической основой опровержения материалистического понимания истории служит для В. Вильчека им же выдвинутая гипотеза, что не труд является основанием научной теории происхождения и развития общества, а «...отчуждение, обусловившее переход от жизни по инстинкту к жизни по образу...»⁵⁷ Это необходимо автору данной гипотезы для того, чтобы доказать отсутствие причинно-следственной связи между производительными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой, поскольку все отношения: трудовые, демографические, идеологические, политические — исходят из единого корня, в котором они существуют в зачаточном виде.

Оставим на совести В. Вильчека рассуждения по поводу «конструктивного регресса» в эволюции одной из биологических линий⁵⁸. Такая точка зрения, вероятно, имеет право на существование, если иметь в виду, что «...каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он зак-